

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ! В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Кара Дон Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует
король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным
покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне

Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес
Первая жизнь, вторая жизнь
Кукла затворника
Осколки хрустальной мечты
Шепот горьких трав
Обет без молчания
О чем молчит ветер
Нерассказанная сказка
Шахерезады
Призраки забытых могил
Тревожное эхо пустыни
Я знаю, кто меня убил
Жена Синей Бороды

Сериал
«Сокровища князей
Шаховских»
Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

ОЛЫГА
ВОЛОДАРСКАЯ

ОТВЕРГНУТЫЙ
ДАР

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Отвергнутый дар : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181285-0

Искусствовед Нина Водянова никогда не верила в колдунов, знахарей и магов, считая их всех шарлатанами, которые только обманывают и дураят наивных чудаков. Не верила, пока не узнала, что в ее роду были настоящие ведьмы и на нее саму наложено любовное проклятие...

Журналист Роман Акимов никогда не верил в колдунов, знахарей и магов, пока сам не влюбился в девушку, обладающую экстраординарными способностями...

Колдун Василий всегда верил в магию и небесные силы, но и они не уберegli его от мучительной гибели. Перед самой смертью ему удалось найти преемника для своего дара. Василий сумел передать сильнейшую энергетику и возможность оказывать влияние на людей и обстоятельства с помощью магии...

Но высшие знания и необычные способности не всегда могут уберечь от маньяка, решившего продолжить эру инквизиции и уничтожать обладателей мистической силы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-181285-0

Пролог

Колдун чувствовал приближение смерти. Ему достаточно было кинуть один взгляд на обреченного человека, чтобы понять — он не жилец. В этом заключалась его сила... И в этом таилась его слабость. Обладать знанием, недоступным другим, великая честь, но и наказание.

Сейчас колдун чувствовал приближение своей смерти. Он не мог точно сказать, когда она наступит. Через минуту или через час. Он знал одно — смерть близка и прячется где-то в темноте.

Его окружала именно она. Тьма. Но не абсолютная. Белел снег, в небольшом отдалении горели окна домов. Колдун решил: у него еще есть время и он умрет не сейчас.

Это радовало. Но не потому, что он боялся. Просто ему требовалось время, чтобы успеть передать свой ДАР.

Колдуна окликнули. Он обернулся. Знакомый силуэт. И энергетика. Человек взвинчен, несчастен, одинок... Зол! Но не столько на него, сколько на весь мир и свою судьбу. Поэтому его бояться не стоит...

Так подумал колдун, шагнув к окликнувшему его человеку.

Но стоило ему приблизиться, как тот выхватил из-за спины нож с длинным лезвием и изо всей силы вонзил его в грудь колдуна.

Сдавленно вскрикнув, тот упал на снег. В небе громко каркнул ворон. Сидящий на мусорном баке дворовый кот зашипел.

Это были последние звуки извне, которые он услышал. Потом все потонуло в сумасшедшем буханье готового остановиться сердца. Собрав последние силы, колдун заставил его биться медленнее. Ему нельзя было умирать, пока он не передаст свой ДАР...

Часть первая

Глава 1

Нина Водянова отмечала день своего рождения раз в четыре года. А все потому, что родилась двадцать девятого февраля. И, как ни странно, в этом виновата наследственность. Мама, бабушка и прабабушка Нины также появились на свет двадцать девятого февраля. Возможно, остальные предки женского пола тоже, но о них младшая Водянова ничего не знала. Ее бабка в своих рассказах о прошлом семьи доходила только до своей матушки. И та, по ее словам, не отмечала день рождения вовсе. А вот бабушка Нины раз в четыре года все же устраивала застолье. Но в не високосные годы просила себя не беспокоить. То есть принимала устные поздравления или открытки в качестве альтернативы, но если ей пытались преподнести что-то ценное, не брала и говорила, что не будет справлять свой день рождения. А вот ее дочь, Нинина мама, Дарья, обожала праздники. Все без исключения, будь то гражданские или церковные. Но больше всего любила именно день своего рождения. А так как формально он бывал лишь раз в четыре года, Дарья каждое двадцать девятое число любого месяца старалась отметить. По крайней мере, сколько себя Нина помнила, мать всегда так делала...

Дарья вообще очень любила веселье. Если просто кто-то в гости заходил, она сразу собирала на стол, доставала бутылочку. Она не была алкоголичкой. Неделями не употребляла спиртное совсем. Но если

компания собиралась, то она уходила в суточный загул, водку пила, как воду, «лакировала» ее шампанским. В кураже пела, плясала, хулиганила по малости. Дарья и с отцом своей дочери из-за этого развелась. Тот был серьезным, правильным, стремящимся зарабатывать для семьи. Почти все время проводил в командировках. И когда приезжал, а дома заставал гульбу или ее последствия, сразу уходил в себя и ни с кем не разговаривал, даже с маленькой дочерью. Как будто она тоже была виновата в том, что ее мать не грустила в отсутствие главы семьи...

И та на самом деле не грустила! Как и Ниночка. Муж Дарьи был на пятнадцать лет ее старше. Зануда, трезвенник и приверженец здорового питания. Когда он бывал дома, жена с дочерью вынуждены были питаться, как он, кашами и овощными супами. Если же они изъявляли желание съесть что-то острое, жареное или, не дай бог, мясное, глава семьи пускался в такие нравоучения, что весь аппетит пропадал. Для Нины и ее матери было большой радостью то, что он редко бывал дома. Когда задерживался на неделю-две, Дарья втихаря покупала курицу-гриль, и они с дочкой поедали ее на улице (в квартире нельзя, папа унюхает запах). Садились на лавочке в сквере, разворачивали нагрешую фольгу и начинали рвать румяную тушку на части. То, что оставалось, скармливали бездомным собакам.

Нина не любила папу, как и ее мама своего. И в этом тоже была виновата наследственность. Все женщины их рода не любили своих отцов. Мужей, впрочем, тоже. Ни мать, ни бабушка не были счастливы в браке. Прабабка тоже рассталась с супругом спустя пару лет после свадьбы и больше замуж не вышла. А вот Нинина мама сделала попытку устроить свою

судьбу еще раз. Но со вторым мужем развелась быстрее, чем с первым. Он оказался запойным алкоголиком. Уж до чего Дарья любила застолья с выпивкой, а за мужем не могла угнаться. Да и не хотела!

Сейчас из всех представительниц рода были живы только Нина и ее матушка. Дарья уехала из Москвы в деревню, завела хозяйство. Прабабка умерла давным-давно, а бабушка несколько лет назад, когда Нина еще в институте училась.

Теперь Нина работала в картинной галерее «Эстет». Получала мало, но если б ее уволили, расстроилась бы невероятно. Ей очень нравилась ее работа. Вот только одно не устраивало, что коллектив галереи состоит из трех человек: хозяйки и двух служащих — Нины и Дэна. Хозяйка двадцать лет до этого служила заведующей столовой. Но всегда считала, что оказалась не на своем месте. Мечтала о работе творческой. И когда ее супруг выбился в миллионеры, упростила его купить ей галерею. Тот не отказал, но потребовал взять на работу своего сына от первого брака. Так Дэн стал искусствоведом (имея специальность маляра-штукатур), а его мачеха — галеристкой. Нина с трудом находила с ними общий язык. Но все же ей удавалось не конфликтовать, а вот подружиться не получалось. А ведь так здорово, когда люди, проводящие вместе по восемь часов в день, относятся друг к другу с симпатией. И не только на службе общаются, но и вне ее. Ходят вместе обедать, праздники отмечают. Будь штат немного побольше, Нина, скорее всего, нашла бы среди коллег человека, с которым можно подружиться или хотя бы завести приятельские отношения. Но хозяйка и ее пасынок не располагали к себе, и Нина общалась с ними только по рабочим моментам. Да и это случалось нечасто, потому что эти двое так были

заняты руганью друг с другом, что на все остальное у них времени не хватало. Нина на начальном этапе пробовала как-то их примирить, но поняла: если Дэн с мачехой перестанут грызться, то попытаются что-то делать и распугают и без того малочисленных клиентов, и оставила свои попытки.

В «Эстете» Нина проработала два года. До этого она занималась совсем другим делом. По окончании первого института устроилась в небольшую фирму экономистом. Получала прилично, и коллектив ей нравился, а вот сама работа нет. Нина еще в вузе поняла, что выбрала не ту профессию, но бросить институт не решилась. Поэтому на искусствоведа она пошла учиться после того, как получила диплом экономиста. Выбрала заочное отделение, занималась с удовольствием, диплом защитила на «отлично». Получив его, сразу стала искать новую работу. И спустя месяц была принята в картинную галерею бывшей заведующей столовой. Тогда Нина думала, что это лишь на первое время. И, как только наберется немного опыта, уйдет в другую галерею. Но оказалось, что найти хорошее место крайне сложно, особенно не имея знакомств.

Вот и прозябала Нина в «Эстете». Терпела сумасбродную начальницу, совершенно не разбирающуюся в искусстве, и ее темного пасынка. И еще то, что из галереи вынуждена была уходить самой последней, запирает ее, ставить на сигнализацию. Хозяйка обычно покидала свой «пост» днем часа в два или три. Дэн линял в лучшем случае через час. Без них Нине работалось спокойнее. Но все же это несправедливо, вкалывать за двоих, получая при этом, как Дэн. К тому же иногда требовалось сорваться пораньше, а подменить ее было некому. Но сегодня Нина с утра сообщила начальнице о том, что ей нужно уйти за три

часа до окончания рабочего дня. Наврала про поход к зубному. Та вынуждена была ее отпустить.

На самом же деле Нина отправилась на прием к белой колдунье. Ее звали Ванда, и она снимала венец безбрачия.

Обратиться к ней Нина решила неожиданно для самой себя. Просматривала газету с объявлениями (хотела купить диван б/у) и наткнулась на рекламу салона колдуньи Ванды. Ее сопровождала фотография. На ней была изображена колоритная женщина среднего возраста. Ее лицо очень располагало к себе. Обычно колдуны и колдуньи, что рекламировали себя в газетах, выглядели очень сомнительно. Их не обезображенные интеллектом, лишенные загадки и признаков породы лица скрывали либо капюшоны, либо туман, либо потусторонний свет. И от этих фотографий сразу веяло фальшью. А снимок Ванды внушал доверие. На нем колдунья просто смотрела в объектив. По-доброму. И без всякого позерства. И в руках был не шар магический или четки, а веточка какого-то растения. Ванда в своем рекламном объявлении утверждала, что может снять венец безбрачия, а также порчу и наговор.

Нина решила ей позвонить. Просто так. Ей давно казалось, что на ней либо наговор, либо порча, либо венец безбрачия. А иначе как объяснить тот факт, что она в свои неполные тридцать до сих пор не замужем? И ладно бы страшенькой была или чересчур скромной. Так нет! Нина выглядела великолепно и никогда не робела перед мужчинами. В этом она пошла в мать и в бабуку, та даже в возрасте семидесяти лет оставалась красавицей.

У всех женщин рода Водяновых были темные курчавые волосы и светлые глаза. У Нины зеленые, как

у бабки. А вот у Дарьи голубые, прозрачные, словно хрусталь. Скольких мужчин она своими глазами с ума свела! И телом была приятна, дородна, но не толста. Грудь, бедра, все налитое, а талия тонкая, гибкая. Нина имела такую же фигуру. Одежду сорок восьмого размера носила, в талии ее приходилось либо ушивать, либо ремнем подхватывать. От Нининой внешности мужчины приходили в восторг. Тот же Дэн на нее засматривался все два года, что они работали. Но ни разу не попытался ее на свидание пригласить (к огромному ее счастью), а все потому, что робел. Как и все остальные!

Нине еще мать говорила, что мужчины боятся красивых женщин. Особенно с виду неприступных. Она сама такой была в молодости. Вот и вышла замуж в двадцать семь лет, да не по любви, а по расчету. Но с возрастом изменилась, попроще стала. И мужчины к ней потянулись. Да только все не те...

Нине тоже оказывали внимание лишь неподходящие мужики. Как правило, женатые. Или до такой степени самовлюбленные, что от них ее тошнило. За одного такого Нина чуть в двадцать четыре года замуж не вышла. Но свадьба сорвалась. Причем не по ее вине. Жених решил, что вести под венец надо не безалаберную красавицу с тонкой душевной организацией, а женщину земную, домовитую. И чтоб была не так хороша, как он сам. Дабы не затмевала!

Об этом своем несостоявшемся браке Нина рассказала Ванде. Та, кстати сказать, в жизни оказалась такой же, как на фото, располагающей к себе женщиной славянского типа. Вокруг головы коса русая. Глаза серые, спокойные. Лицо широкое, румяное. А в квартире, где клиентов принимала, везде иконы, свечи церковные.

— Венец безбрачия на тебе, девонька, — заявила Ванда, едва посмотрев на Нину. — Чувствую я его, точно глазом вижу. Вот тут он... — И провела над ее головой ладонью. — Холодно затылку стало?

Нина на самом деле ощутила прохладное покалывание в затылочной области. Но решила, что из открытой форточки подул.

— Наследственное это, — продолжала Ванда.

— Но все мои предки вступали в брак, — запротестовала Нина.

— Вот только никто не был в нем счастлив.

— С этим я согласна, однако формально...

Ванда не дала клиентке договорить. Шикнула на нее и начала карты Таро раскидывать.

— Вы еще и гадаете? — удивилась Нина.

— Посмотрю, что тебя в будущем ждет. Если никаких изменений к лучшему, венец снимать будем...

Пока Ванда раскладывала карты, Нина скусающе смотрела по сторонам. Она как-то вдруг разочаровалась в колдунье и теперь ругала себя за этот визит. И очень жалела денег. Лучше бы на три тысячи, что она заплатила Ванде, себе духи купила.

— Не жалея денег, девонька, — услышала Нина голос колдуньи и вздрогнула. Неужели Ванда ее мысли прочла? — Разве твое счастье не стоит жалких ста долларов? А оно, судя по картам, так далеко от тебя, что может и не наступить...

Нина сразу все внимание обратила на карты. И первое, что увидела: смерть с косой.

— Ой, что это? — с ужасом спросила Нина, ткнув пальцем в страшную карту. — Смерть моя?

— Нет. Эта карта хоть является символом исхода, конца, потери, но означает лишь то, что тебя, девонька, ждут большие перемены. И вот теперь только от

тебя зависит, к лучшему они или к худшему. Не снимем порчу с тебя — плохо кончишь. Снимем — счастливой станешь.

— На мне еще и порча?

— И она, девонька. Вся аура твоя пробита. Тут и наследственное, и приобретенное... — Ванда так тяжело вздохнула, что Нине стало страшно.

— Так чего мы ждем? — выпалила она. — Приступайте!

Колдунья согласно кивнула и начала приготовления к обряду.

Нина была погружена в собственные переживания, поэтому не следила за действиями Ванды. Заметила лишь, что та расставила церковные свечи не где придется, а в определенных местах. Точно заключила Нину в пентаграмму. Наверное, так оно и было.

После этого колдунья взяла какую-то чашку и стала ходить вокруг Нины, что-то приговаривая и брызгая на нее водой. Девушка прислушивалась к своим ощущениям. Ждала какой-то реакции. Холода в затылке. Или наоборот — жара. Не удивилась бы и головокружению, тошноте. Но она во время обряда ощущала себя абсолютно нормально. И это было странно.

— А что я почувствую, когда процесс пойдет? — не сдержавшись, спросила она.

Ванда довольно грубо закрыла ей рот ладонью.

— Говорить нельзя! — строго цыкнула она. И снова начала свою ворожбу.

Нина затихла. Постаралась расслабиться. Под бормотание Ванды она едва не уснула, как вдруг...

Голову будто сжало металлическим обручем. Нина испуганно распахнула глаза. В поле зрения попало пламя свечи. И оно оказалось не таким, как ранее. Не ровным, желто-красным, а сине-серым, рваным,

агрессивным. Пламя извивалось, стрелялось и щелкало. И пахло от него как-то странно... Серой, что ли?

Нина помнила, что говорить нельзя, но все же не смогла смолчать:

— Мне больно...

— Все, все, девонька, — услышала она нервный голос Ванды. — Закончили мы...

Когда колдунья прекратила свои манипуляции, Нина все равно ощущала дискомфорт. Голова уже не болела, но виски ломило. И пламя свечи по-прежнему вело себя агрессивно. Оно не бесновалось, как раньше, но шипело и подрагивало, как готовый броситься в атаку зверек.

— Все? — не поверила Нина. — Обряд завершен?

— Все! — заявила Ванда. — Иди домой!

— Но у меня вот тут... — Водянова приложила пальцы к вискам. — Вот тут ломит. И затылок тяжелый.

— Это нормально. Там у тебя венец безбрачия был. Сейчас его нет, но боль осталась... Фантомная...

Она говорила неубедительно. И как-то чересчур нервно себя вела. Нина не стала дальше пытаться колдунью и попросила воды. Пить хотелось невыносимо!

Ванда принесла ей не просто воду, а травяной настоей. Сказала, что он хорошо успокаивает и снимает головные боли. Нина выпила его. Но ни успокоения, ни облегчения не испытала.

— Домой иди, девонька, — велела Ванда. — Дома и стены помогают. Полежишь, отдохнешь, встанешь как новенькая...

— Да, пойду, пожалуй... — Но, сделав несколько шагов к выходу, она остановилась и спросила у колдуньи: — А свечи всегда себя так ведут? — Нина только сейчас заметила, что свечи из хищных мон-

стров превратились в мертвецов. Недавно их пламя бесновалось, а сейчас потухло. Сами же восковые карандашики скукожились и почернели.

— По-разному бывает, — ответила Ванда, подтолкнув Нину к двери. Наверняка ее ждал новый клиент. — И так тоже... Если порча сильная.

И выпроводила Нину за порог.

Голова продолжала болеть. Пришлось зайти в аптеку, купить сильного обезболивающего и бутылочку воды. Выпив таблетку, Нина немного посидела на диванчике. А когда почувствовала облегчение, вышла из аптеки и направилась к кондитерской, чтобы купить тортик. Сегодня ведь было двадцать восьмое февраля, и Нина собиралась отпраздновать свой день рождения!

Приобретя шикарнейшее кондитерское изделие из беже и взбитых сливок, Водянова поехала домой. Пока тряслась в метро, вспоминала обряд снятия порчи, и ей становилось не по себе. Она не очень верила во всякие паранормальные штучки. Мать с детства ей внушала, что нет ни Деда Мороза, ни колдунов, ни экстрасенсов, ни инопланетян. Мир существует по четким законам физики, химии и прочих наук. А если бабушка пытается доказать обратное, не верь ей. Она темная женщина, деревенская и мало что в жизни понимает. В Бога, к слову сказать, матушка тоже не верила (но отмечать Пасху и Рождество ей это не мешало). И дочь свою не хотела крестить. Но бабка втихаря отвела девочку в церковь, и многие годы после обряда Нина прятала свой крестик от мамы. Она привязала его к сетке кровати, чтобы оберегал хотя бы ее сон.

Оказавшись наконец дома, Нина поставила чайник. Пока он грелся, распаковала торт, разрешила

его на восемь частей (хотя есть намеревалась одна), собралась положить кусок на блюде, но остановилась. Она вспомнила о свечках, купленных накануне. Их было две. Одна в виде нолика, вторая — тройки. Нине сегодня еще было двадцать девять, но завтра исполнится тридцать. В любом случае. Ведь в полночь уже наступит март. Так что отметить пусть и скромным тортиком со свечами свой день рождения нужно сейчас.

Конечно, это неправильно — праздновать круглую дату в одиночестве. Нина отлично это понимала. И немного стыдилась, что сейчас ее не окружают гости. Пусть не толпа, а хотя бы три, четыре близких человека. Поэтому маме, которая позвонила, чтобы поздравить, наврала. Сказала, что ждет с минуты на минуту подруг. На самом же деле у Нины никаких подруг не было. В институте имелось две. Но как только они вышли замуж, перестали с Ниной общаться. На свадьбу приглашали обе, но после праздника их точно подменили. Отдалились мгновенно. Нина решила, что у них появилось много забот и им теперь не до нее, но одна из сокурсниц (она тоже гуляла на этих свадьбах) ее просветила. Оказывается, оба молодых мужа так алчно смотрели на Нину, что их супруги решили во избежание скорого развода прекратить всякие контакты с ней. Водянова, узнав об этом, весь вечер проплакала. Ей было ужасно обидно и горько оттого, что столько лет верила в то, чего нет. А именно, в женскую дружбу. Наперекор всем верила. А ведь ее бабка и мать предупреждали, что миф это. «Нам, дочка, все бабы завидуют! — говорила Дарья. — Потому что мы красавицы. И хотя все знают поговорку «Не родись красивой, а родись счастливой!», все равно завидуют...»

Нина больше не виделась ни с одной из своих так называемых подруг. И новых не завела. Поэтому свой юбилей отмечала в гордом одиночестве. И с ужасом смотрела на восемь кусков торта, представляя, во сколько лишних сантиметров на бедрах они превратятся после того, как Нина их съест. А она совершенно точно это сделает. Не за один вечер, конечно, но за три точно. Нина обожала сладкое. А вот острое ненавидела, как и любые специи. Особенно чеснок. Ее от одного его запаха воротило.

Нина воткнула в торт свечки, зажгла их, предварительно выключив свет для придания обстановке красоты и торжественности. А то ни ремонта в кухне, ни мебели приличной. Настроение и так было не ахти, а при взгляде на окружающее убожество оно могло испортиться окончательно. «Мне исполняется тридцать, — с грустью думала Нина. — А я ничегошеньки не добилась. Семьи нет, друзей нет, живу в убогой квартире, работаю за копейки. А жизнь-то проходит...»

— Хочу, чтобы завтра... Нет, лучше сегодня же она изменилась! — вслух сказала Нина, озвучив свое желание. Ведь перед тем, как задуть свечи, его обязательно нужно загадать. — Чтоб у меня началась новая жизнь!

Нина набрала в легкие побольше воздуха и шумно дунула на торт. Пламя свечей заколыхалось и погасло. Оставшись в полной темноте, Нина почувствовала дискомфорт. Ей стало не то чтобы страшно, а тревожно. Вскочив, она включила свет.

Стало немного спокойнее. Но тут Нина унюхала крайне неприятный запах. Ей сначала показалось, что это торт так воняет (просроченный или просто неправильно хранился), но тот исключительно приятно пах:

ванилином и шоколадом. Значит, воняет не от него. Нина принялась. Тянуло из ведра. Это ее удивило, ведь мусор она выкидывала вчера вечером. А дома прохладно, за сутки стухнуть ничего не могло.

Нина подошла к ведру, заглянула в него. И использованные чайные пакетики, пустая банка из-под майонеза, обгоревшие спички, шкурки от сосисок. Пожалуй, пахнуть могли только они. Нина вытащила пакет из ведра и понесла его выбрасывать. Перед тем, как покинуть квартиру, оделась. В ее доме не было мусоропровода, и отходы приходилось выбрасывать в контейнеры, стоящие рядом с их пятиэтажкой. В соседних домах, девяти- и двенадцатиэтажных, мусоропроводы имелись. Но они частенько засорялись, и люди, живущие в них, тоже таскали мусор на помойку. Из-за этого бачки были вечно переполнены.

Сбежав по ступенькам вниз (она жила на втором этаже), Нина вышла на улицу. Порыв ледяного ветра ударил в лицо. Щеки закололо. Глаза защипало. Нос мгновенно заледенел. Нина натянула капюшон, подбородок утопила в высоком воротнике пуховика и помчалась в сторону мусорных баков.

Пока бежала, ругала себя за то, что не надела варежек. Пальцы окоченели. А дома, кроме чая, согреться нечем. Нина не держала спиртного, хотя к абсолютным трезвенникам себя не относила. Любила хорошее вино и шампанское. «Но не употреблять же алкоголь в одиночестве! — говорила себе Нина всякий раз, когда у нее появлялось желание приобрести бутылочку. — Так можно потихоньку и спиться!»

Забежав за угол дома, она остановилась, чтобы перевести дух. До бачков оставалось метров пять, Нина задохнулась от быстрого бега, а впереди были трубы. Снег шел весь день, вот их и намело.

Передохнув несколько секунд, Нина направилась к бакам. Не сразу заметила, что на их бортах сидят кошки. Много кошек! В принципе в этом нет ничего удивительного — бездомные животные постоянно искали съестное на помойке, но никогда не собирались такой огромной компанией. Да еще в пургу! Завидев Нину, кошки замяукали. Сначала тихо, отрывисто, вразнобой, затем все громче, протяжнее, дружнее. Вскоре их голоса слились в один душераздирающий вой.

Нине стало не по себе. Она точно не знала, болят ли кошки бешенством, но ей почему-то казалось, что болят. И если эти твари ее покусают, придется делать прививки.

С большой опаской Нина подошла к крайнему контейнеру. Медленно, чтобы не спровоцировать кошек, опустила в него пакет. Собралась уже разжать пальцы и убежать, как самый крайний кошак, черно-белый, старый, с обрубленным хвостом, эдакий «пахан», выбросил лапу и вцепился в пакет. Нина решила, что он унюхал шкурки от сосисок и хочет ими поживиться. Но когда она выпустила мешок из рук, кот не бросился его раздирать. Он, утробно урча, устремился к Нине. Его товарищи поддержали вожака громким воем.

О нападении на людей собак Нина слышала, но о бросающихся на представителей гомо сапиенс кошках — не приходилось. Это и пугало. Было что-то мистическое в поведении животных, и у окончательно не пришедшей в себя после визита к колдунье Нины сдали нервы. С криком «Мерзкая тварь!» она схватила горсть снега, слепила ком и швырнула им в кошачка. Снаряд достиг цели и попал прямо в морду. Но кот не отступил. Более того, он спрыгнул с контейнера и бросился под ноги Нине. Она, потеряв равновесие,

упала. И хорошо, что вперед полетела, а не в сторону, иначе ударились бы о контейнер. Грохнувшись, Нина обернулась. Боялась, что кот прыгнет ей на спину, но тот резко успокоился. Перестал орать и, пробежав мимо Нины, сел возле второго бака (всего их было три) и стал тереться о...

Чью-то ногу! Только сейчас Нина увидела человека, лежащего между контейнерами. Вернее, не его самого, только ноги. На них были темные брюки и сапоги. Нина решила, что это бомж на земле валяется. Либо спит пьяный, либо, скорее всего, умер. Наверняка он завсегдатай этой помойки, вот кошки, обитавшие тут же и знавшие покойника, и подняли вой. Они, как известно, очень чувствительные существа...

Поднявшись на ноги, Нина сделала несколько шагов по направлению к труп. И тут ей стало ясно, что на земле лежит не бомж. Одежда чистая, обувь добротная, общий вид аккуратный. На лице борода, но не безобразная, как у большинства бездомных. Пока Нина рассматривала человека на снегу, кошки нетерпеливо вышагивали по бортикам контейнеров. А их предводитель нервно помякивал.

Нина сделала еще один шаг. Наклонилась. Судя по тонкому слою снега на одежде мужчины, скончался он недавно. «Пошел мусор выкидывать, и стало плохо с сердцем, — сделала вывод Нина. — С людьми в возрасте такое часто случается...»

Она распрямилась и собралась уйти, но кот не дал. Зашипел, оцетинился и снова прыгнул в ноги Нине. На сей раз он не застал ее врасплох, поэтому она не упала. И страха не почувствовала. «Кот как будто хочет, чтоб я проверила, жив ли старик, — пронеслось в голове у Нины, — И почему я решила, что он мертв? Может, он просто без сознания? А кот, наверное, питомец этого

мужчины. Или он просто его подкармливал, и теперь котяра проявляет участие. Хочет помочь... Среди животных ведь попадаются очень умные экземпляры...»

Нина вернулась к старику, присела над ним. Теперь, когда расстояние между ними сократилось до двадцати сантиметров, Нина увидела кровавое пятно, растекшееся по груди. Она не заметила этого раньше лишь потому, что на мужчине была темная одежда. Чтобы проверить, есть ли пульс, она потянулась пальцами к его шее, как вдруг...

Не открывая глаз, человек выбросил вперед руку и схватил Нину за кисть. Она вскрикнула, попыталась освободиться. Но ее держали крепко! Секундой позже пальцы старика сплелись с ее пальцами. Тыльные стороны их ладоней соединились, и тут произошло невероятное. Нина отчетливо почувствовала, как в ее тело вливается энергия. И еще что-то неведомое и очень, очень мощное. Ощущение было немного похоже на то, что она испытала, когда ей делали горячие уколы хлористого кальция, от которых она падала в обморок. Внутренний жар был так невыносим, что сознание отключалось...

Вот и сейчас Нина не смогла сохранить ясность ума. В глазах потемнело, и Водянова стала проваливаться в туман беспамятства. Перед тем, как сознание померкло, она отчетливо поняла — старик только что умер. А еще перед ее внутренним взором вдруг возник черный ворон. Крупный, иссиня-черный, он, взмахнув своими мощными крыльями, взмыл ввысь и скрылся в бескрайнем небе.

Увидев эту картину, Нина погрузилась в беспросветный мрак.

Сколько длился ее обморок, можно только предполагать, минуту, две, пять, пятнадцать, но очнулась

Водянова совершенно точно от громкого карканья. И, открыв глаза, увидела огромного иссиня-черного ворона. Он сидел у нее на груди и совершенно человечьи смотрел своими пуговичными глазами.

Нина судорожно вздохнула, давая кислороду заполнить легкие, и что есть мочи закричала: «Помогите!»

Глава 2

Энгельс Славин родился в семье идейных марксистов-ленинистов. В современном мире немногие знали, кто это такие, разве только люди, достаточно долго прожившие в Советском Союзе. Именно в Союзе, а не в СНГ. То есть взрослые. Такие, как Энгельс, которому было пятьдесят. Молодежь же имела слабое представление не только о коммунистических учениях, но и о Марксе и Ленине. О Фридрихе Энгельсе и подавно. Например, сын Славина, Вадик, отрок девятнадцати лет, считал, что отца назвали в честь города. Он был осведомлен о том, что есть крупный населенный пункт под названием Энгельс, так как в нем проживала его прабабка. Но когда Вадик узнал, что этим именем город обязан конкретной исторической личности, он очень удивился.

Энгельс же с раннего детства знал не только биографию своего тезки, а также Ленина и Маркса, но и жизнеописание всех известных коммунистов. Отец его преподавал в политехническом институте обществоведение и марксизм-ленинизм на курсах повышения квалификации учителей. Мама — историю КПСС в том же вузе. Оба искренне верили в коммунистические идеалы. В их доме стены были увешаны портретами вождей. А в шкафах стояли ряды томов

с их трудами. Причем и отец, и мать читали их. Да не потому, что надо по работе, а себе в удовольствие.

Когда началась перестройка, Славины остались без работы. Отец ушел из института сам, не желая преподавать по-иному, а матушку сократили. Энгельс взвалил на себя обязанности кормильца. Ему пришлось бросить писать диссертацию и устроиться на вторую работу. Энгельс, человек с высшим образованием, без пяти минут кандидат наук, пошел разгружать машины с коробками мороженой рыбы и банками с селедкой иваси. В их доме располагался магазин «Океан», и ему посчастливилось туда пристроиться. Именно посчастливилось, ведь с продуктами в то время было плохо. Люди давились в очередях или брали штурмом магазины. А благодаря Энгельсу в доме Славиных всегда имелись минтай, камбала и селедка.

Пока сын вкалывал, родители митинговали, бастовали, устраивали акции протеста. А возвращаясь домой после массовых мероприятий, садились писать обличительные письма, жалобы, призывы к помощи, ходатайства и прочее, прочее. Их привычный мир рушился, и Славины не могли с этим смириться. Они мечтали о том, что их внуки будут жить при коммунизме, хотя были согласны и на привычный социализм. Но только не на поганый капитализм, к которому вдруг стали стремиться первые лица государства, еще совсем недавно считавшиеся искренними марксистами-ленинистами. Многие из них у Славиных учились и казались верными своим идеалам... Предатели!

В неравных боях с системой старший Славин подорвал здоровье и умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти двух лет. Энгельс боялся, что мама, овдовев, быстро сдаст. Но та стала более

энергичной и деятельной. Без нее не обходился ни один митинг. А еще она стала секретарем какого-то партийного блока и редактором агитационной газеты. Энгельс понимал, что мать нагружает себя, чтобы не оставалось времени на тоску по мужу, поэтому не возражал. Хотя мог бы. Ведь матушка была уже немолода, и ей не мешало бы себя побереечь.

Если б он знал, чем все кончится, посадил бы ее под домашний арест. Но он лишь радовался тому, что мама живет полной жизнью. Однажды, года не прошло после смерти отца, мать не вернулась домой. Он ждал ее весь вечер (она частенько задерживалась и являлась часов в десять, а то и одиннадцать), а когда наступила полночь, стал обзванивать больницы. Мама оказалась в Склифе в тяжелом состоянии. Когда милиция начала разгонять несанкционированный митинг, она в числе прочих бросилась на стражей порядка с кулаками. Те вынуждены были защищаться. Никого не били, но отталкивали щитами. Мать Энгельса потеряла равновесие и упала. Соратники по политической борьбе этого не заметили, и женщину затоптали. В больницу она была доставлена с множественными переломами и серьезной травмой черепа.

Спустя полтора месяца мать вернулась домой инвалидом. И если кости срослись нормально и матушка лишь прихрамывала, то удар по голове не прошел даром. Славина повредилась умом довольно серьезно. И ладно бы просто потеряла память или впала в детство (и то, и другое имело место: многое она позабыла, порой видела себя пятилетней, а сына называла папой), главное — ее регулярно одолевали приступы агрессии. Когда это происходило, она выходила на балкон и орала на прохожих. Она обвиняла их во всех смертных грехах, даже тех, кого не зна-

ла. Но обычно доставалось соседям. Назвав кого-то из них по имени и фамилии, она яростно обличала «врага». А так как язык у нее оставался прекрасно подвешенным, а речь грамотной, то звучало это очень убедительно. Кто не знал, что «выступает» человек не совсем нормальный, мог принять ее слова за чистую монету. И это было самым ужасным! Ведь с соседями Славины всегда ладили, с некоторыми даже дружили. Теперь же Энгельс вынужден был отбивать постоянные атаки тех, с кем еще недавно отмечал праздники, а то и пропускать мимо ушей их проклятия.

Но все это были цветочки, ягодки начались потом.

Родители Славина относились к числу ярых атеистов. То есть не просто не верили в Бога, но и осуждали тех, кто ему молится. Например, со своим отцом, глубоко верующим человеком, папа Энгельса не общался. Многие годы он пытался доказать родителю, что Бога нет, а когда понял, что это невозможно, прервал с ним всякие контакты. Мать Энгельса была мужу под стать. Когда ее сын принес домой из школы крашенные яйца, она вышвырнула их в окно, а мальчика поставила в угол на весь вечер.

С возрастом она не изменилась. Мужа похоронила не под крестом, а под звездой, как военного или ветерана. А вот болезнь сотворила с ней странную вещь. Она продолжала отрицать существование Бога, зато уверовала в дьявола. Его слуги мерещились ей повсюду. Ей казалось, что они скрываются под личной прохожих, соседей и даже сына. «Миром правит сатана! — орала она с балкона. — Прозрейте, люди! Бога нет! Никто вас не спасет! Вы уже в аду!..»

Эти богохульные речи вызывали особенное возмущение соседей. Наступило время, когда люди стали возвращаться к вере. А тут такое!

— Если ты не отправишь свою мать в психушку, — говорили Энгельсу соседи, — мы соберем подписи и все равно запрежем ее туда. Только пока мы это делаем, как бы она чего не натворила!

Энгельс был уверен: его мать не сумасшедшая. Он ждал, когда ей станет лучше. Ведь он давал ей лекарства, выписанные хорошим специалистом. Тот, конечно, утверждал, что в больнице ее скорее приведут в норму, но Энгельса не оставлял страх: там ее залечат до состояния овоща, как главного героя книги «Полет над гнездом кукушки». Поэтому ничего не предпринимал. Как потом оказалось, зря...

Как-то Энгельсу пришлось уехать в командировку. Отказаться он не мог, но и мать оставлять на три дня опасался. Он попросил одну из соседок, Марию Ивановну, присмотреть за ней. Та относилась к Славиной более-менее нормально и очень нуждалась в деньгах, поэтому соглашалась на любую работу, сулящую хоть небольшую оплату. Энгельс заплатил женщине вполне приемлемую по ее меркам сумму, и та взялась ухаживать за его матерью. Причем не просто заглядывать к ней изредка, а прожить в квартире Славиных все три дня.

Энгельс уехал. Но не прошло и суток, как пришлось возвращаться. Прибыв в город и устроившись в гостинице, он позвонил домой, чтобы узнать, как дела. Услышал частые гудки. Решив, что трубка неправильно лежит, Энгельс не стал беспокоиться раньше времени и отправился по делам. А когда снова вернулся в гостиницу, набрал домашний номер и опять услышал отрывистое пип-пип-пип, принялся звонить соседям, чтобы сходили, проверили. Спустя десять минут Энгельс узнал о том, что его матушка находится дома, а телефон выключила, потому что занята изгнанием бесов.

— Чем? — переспросил Энгельс.

— Тем самым, — раздраженно ответила соседка. — И из квартиры гарью пахнет... Как бы пожар не устроила!

— А Марии Ивановны не слышно?

— Какой еще... А, из восемнадцатой квартиры? Нет, не слышно. А что, она с твоей матушкой?

— Да. Я нанял ее, чтоб присмотрела...

— Ой, Энгельс, чует мое сердце неладное... Не из нее ли мамаша твоя бесов изгоняет?

Славин уже и сам об этом подумал и решил вызвать милицию. Позвонив в отделение своего района и обрисовав ситуацию, он стал собирать вещи. Командировка закончилась, можно сказать, не начавшись!

Энгельс оказался прав. Его мать изгоняла демонов из своей сиделки. Привыкшая к тому, что сын все вечера проводит с ней, она не могла понять, почему вместо него рядом оказалась какая-то женщина. Она не узнала соседку. И решила, что слуги дьявола забрали ее сына, а вместо него подослали демона в человеческом обличье. Его-то она и решил изгнать!

Когда милиционеры ворвались в квартиру, они увидели страшную сцену. На полу без сознания лежала пожилая женщина, а вокруг ее головы кровью, вытекшей из раны на затылке, были нарисованы какие-то символы. Свет был погашен, а в углу комнаты горел костер. Благо развели его не на полу, а в горшке. В нем росла пальма, но ее безжалостно выдрали, изломали. Даже в безобидном растении сумасшедшей «эксзорцистке» виделась угроза. Сама же она, лохматая, полуголая, прыгала вокруг своей жертвы, что-то бормоча. Когда Славина увидела незваных гостей, кинулась на них. Скрутить ее смогли только три здоровенных мужика.

Когда Энгельс приехал в Москву, и мать, и ее сиделка были в больницах. Мать в психиатрической, сиделка в обычной. Состояние последней оценивалось как удовлетворительное (удар по голове оказался не очень сильным). А вот прогнозы относительно психического здоровья гражданки Славиной были неутешительными. Врачи, обследовав ее, пришли к выводу, что она неизлечима. Болезнь может затаиться, но отступить — никогда. Энгельсу ничего не оставалось, как подписать свое согласие на заключение матери в сумасшедший дом.

С тех пор прошло двадцать лет. Матушка все еще была жива, находилась в психиатрической больнице. Энгельс иногда навещал ее, когда болезнь бывала в стадии ремиссии. Но и тогда она его не узнавала и все разговоры вела о дьяволе и его слугах.

Лечащий врач, господин Верещагин Борис Борисович, с которым за эти годы Славин, можно сказать, сдружился, рассказывал, что в периоды обострений мать ведет себя как одержимая. А когда немного приходит в себя, уверяет, что в нее периодически вселяется демон. Но так как дух ее силен, то тому приходится покидать ее тело. Таких, как она, в больнице было еще двое. Причем обе появились там в последний год. Одна совсем молоденькая. Родители сначала верили в ее одержимость и приглашали на дом священников и тех, кто называет себя «экзорцистами», но молитвы не помогали, как и манипуляции изгоняющих дьявола, которые на деле оказывались обычными шарлатанами. Тогда девушку показали врачам. Ей поставили диагноз «шизофрения» и настояли на госпитализации.

Энгельс видел эту девушку. Ее звали Сара. Худенькая, как тростиночка, хорошенькая, большеглазая,

темноволосая. Печать болезни лежала на ее лице, но не делала его отталкивающим. Когда Энгельс заметил это вслух, Верещагин хмыкнул:

— О, вы не видели ее в моменты припадков! Жуткое зрелище. У меня один молоденький санитар уволился именно после этого. В семинарию документы подал. Решил священником стать, чтобы бороться с силами зла. А до этого атеистом был. Таким, как мы с вами.

На самом деле Энгельс не мог себя назвать атеистом. Да, он до сих пор оставался некрещеным, но в глубине души верил в бессмертие души. А не примыкал ни к одной из религий лишь потому, что считал это лишним. Какая разница, кому и как молиться, главное — оставаться хорошим человеком.

А вот Верещагин был махровым атеистом. Поэтому, когда Энгельс предложил ему пригласить экзорциста, чтоб тот поработал с больными, он рассердился.

— И вы туда же? — воскликнул врач. — А я считал вас просвещенным человеком! Нашим барышням не экзорцист нужен, а хороший психиатр...

— Но он у них уже есть, а им не лучше.

— Потому что их нельзя вылечить. Можно лишь облегчить их состояние.

— А что, если сработает эффект «плацебо»?

— Не срабатывает! О чем свидетельствует случай нашей Сарочки. Уж скольких к ней приводили, а толку?

— Вы верите, что люди обладают разной энергетикой: кто-то слабой, кто-то сильной, а некоторые сверхсильной?

— Не особенно. Но могу допустить...

— Хорошо. А в гипноз?

— Естественно. Сам его применяю.

— А вот представьте теперь человека с мощнейшей энергетикой и даром гипнотизера, который занимается экзорцизмом.

— Ему что, больше заняться нечем? Одержимых, поверьте моему опыту, не так много. И большая их часть в психбольницах лежит. Отсюда резонный вопрос: зачем человеку такого таланта растрачивать его на пустяки? Из разговора с родителями Сары я понял, что гонорары у экзорцистов не так уж велики...

— Вы слышали о белом колдуне Василии?

— Нет. — Верещагин брезгливо поморщился.

— А мне о нем друг рассказал. У него жена последние два года очень хворала (с ней я тоже хорошо знаком, мы раньше все вместе работали), причем доктора не знали, от чего ее лечить. Она усохла с восьмидесяти до сорока пяти килограммов. Постоянные головные боли, удушье, обмороки. В какие клиники и санатории мой друг только жену не возил, а той все хуже. И вот от отчаяния решил он обратиться к колдуну. Выбор пал на Василия лишь потому, что моему товарищу его глаза понравились. Он большой умница, кандидат наук. А жена его вообще врач. Они всю жизнь верили только в науку, паранормальные штучки считали шарлатанством. И все же решили попробовать. Использовать последний шанс. Как сказал друг, хотя бы для собственного успокоения, мол, сделали все, что могли...

— И что же? — заинтересовался Верещагин. — Вылечил его супругу ваш колдун?

— Представьте себе.

— Значит, она ничем не болела физически. Скорее всего, у нее было психосоматическое расстройство.

— Это когда болезнь человека зарождается по причине психологических несоответствий, возникающих в подсознании?

— Совершенно верно.

— Вот и жена друга так решила, когда проанализировала все. Я же говорю — она ученая женщина, адекватная. Она и раньше подозревала что-то подобное, но психологи и психиатры ей не помогли. А Василий помог. Сначала долго водил руками вокруг ее головы, что-то шептал, затем какую-то воду давал пить. Женщина все то время, что колдун проводил обряд, ругала себя. Ей было очевидно, что он не поможет. Но когда все закончилось и Василий, посмотрев ей в глаза, сказал: «Ты здорова!», она ему поверила. И пошла на поправку. Сейчас отлично себя чувствует и прекрасно выглядит.

— Интересный персонаж этот ваш Василий, — сказал Борис.

— Да, очень. Но я вам главного не рассказал. Оказалось, я его знаю. Когда увидел его фото в газете, вспомнил. Его на самом деле зовут Василием. Фамилии не помню. Он когда-то вел радиотехнический кружок. Мой сын занимался у него. По его словам, Василий уже тогда демонстрировал сверхспособности. Если у кого-то из мальчишек что-то болело, он чувствовал это, подходил, начинал поглаживать, и все проходило. А еще у него с животными и птицами какая-то странная связь была. Они его совершенно не боялись. В окно кабинета постоянно залетали птицы и садились на плечо к Василию. Он, кстати сказать, на рекламном фото был изображен с вороном. Тот сидел у него на плече.

— Это все очень интересно, но я не пойму, к чему вы ведете? Хотите пригласить Василия к нам, чтобы

он совершил над нашими «одержимыми» обряд? — спросил психиатр.

— Да.

— Это, конечно, было бы любопытно, — с задумчивой улыбкой заметил Верещагин. — А какой материал для статьи... — Но тут же помрачнел. — Только не выйдет у нас ничего.

— Почему?

— Главврач не разрешит, скорее всего. Но даже если я смогу его уговорить, колдун не согласится. Это же не его профиль...

— Он согласится. Я имел с ним беседу. Василий сказал, что ему интересно попробовать свои силы, и он может приехать.

— Что ж, это меняет дело... Тогда я буду разговаривать с главврачом. Только не могли бы вы дать мне номер телефона этого самого Василия? Я хотел бы сначала побеседовать с ним...

— Да, конечно. — И Энгельс продиктовал психиатру номер колдуна.

Спустя четыре дня Верещагин связался с Энгельсом и мрачно сообщил:

— С главным договориться не удалось. Он категорически против нашего эксперимента.

— Жаль...

— Мне тоже. Но я кое-что придумал. У вашей матери сейчас стабильное состояние, и с моего разрешения вы можете забрать ее домой на сутки. Предлагаю отвезти ее к Василию. Пусть проведет обряд дома.

— А он согласится на это?

— Уже согласился. Я имел с ним беседу. Да не одну. Скажу откровенно, очень Василий меня заинтересовал. Мощный мужик. Даже по голосу чувствуется.

— А это не опасно? — осторожно спросил Славин. — Проводить обряд вне клиники? Что, если у нее начнется припадок?

— Я буду рядом с медицинским чемоданчиком. Не волнуйтесь!

Но Славин не мог не волноваться. Он уже сам был не рад, что предложил Верещагину этот эксперимент. И собирался отказаться от него. Но сначала он решил побеседовать с Василием.

Энгельс позвонил ему днем, попросил о встрече. Хотелось поговорить не по телефону, а с глазу на глаз. Василий не отказал, пригласил его к себе в гости. И вечером Энгельс поехал к колдуну домой.

Жил Василий в самом обычном спальном районе в панельной двенадцатиэтажке. Энгельс ожидал другого. Почему, сам не знал. Наверное, считал, что нестандартные люди должны обитать в домах себе под стать. А тут такая серость...

Нужный подъезд Славин отыскал быстро. Нажал на домофоне кнопку с номером квартиры. Но ни голоса из динамика, ни заветного щелчка не услышал.

Подождав пару минут, Энгельс повторил свои действия. И снова безрезультатно. Его не впустили!

Тогда Славин достал сотовый, набрал номер Василия. Гудки были нормальные, но трубку никто не взял. В полном недоумении Энгельс отошел от подъезда. Он хотел уехать, потом решил посидеть в машине, подождать. Может, моется человек, не слышит звонков. Или к соседям забежал, а сотовый в квартире оставил.

Дойдя до машины, Энгельс немного постоял возле нее, посмотрел на дом. Пытался понять, какие окна Василия, но, не зная, сколько квартир на площадке, точно определить не смог. Если три, то свет горит

именно в них. Если четыре, то все окна колдуна выходят на другую сторону.

Открыв дверцу, Энгельс собрался забраться в салон, но тут услышал женский крик:

— Помогите!

Голос доносился издали. Энгельс определил примерное направление и, схватив баллончик с газом, побежал на зов.

Глава 3

Рома Акимин уже в восемь лет знал, кем станет, когда вырастет. И если его сверстники мечтали о карьере космонавтов, подводников, полярников, на худой конец, пожарных или милиционеров, то Ромашка грезил о работе журналиста. В этом не было бы ничего особенного, если б его отец или мать занимались чем-то подобным. Но старший Акимин имел как раз ту самую «героическую» профессию, о которой мечтали многие дети, то есть работал в уголовном розыске. Мама — в «Скорой помощи». Оба любили свое дело и гордились тем, что помогают людям. Как следствие — они постоянно пропадали на работе. Ромашка был предоставлен сам себе. После основных занятий он ходил в продленную группу, но все равно, когда возвращался домой, там еще никого не было.

За Ромашкой приглядывала по просьбе мамы соседка. Заходила каждый вечер, спрашивала, не поможь ли чем. Например, не погреть ли мальчику ужин. Мальчик отвечал отрицательно. Говорил, что уже съел все холодным, потому что так больше любит. На самом же деле он давно научился пользоваться плитой и втайне от родителей зажигал газ. А еще включал

колонку, чтобы наполнить ванну и посидеть в ней после затянувшихся гуляний. И читал запретные книги, учебники по криминалистике и медицине. Родители прятали их на антресоли, чтобы любопытный ребенок не рассматривал картинки, где были обезображенные трупы или половые органы. Рано ему такое смотреть. Как бы на психике не отразилось!

Но Ромашкина психика оказалась на удивление устойчивой. Он рос нормальным ребенком, разве что для своего возраста очень развитым и самостоятельным. Опять же четко знал, кем хочет стать. В раннем возрасте, изучив книги по криминалистике и медицине, Рома твердо уяснил, что по стопам родителей идти не хочет. А желает посвятить себя творчеству. Рома любил читать. И книги, и журналы, и газеты. Больше, конечно, книги, но статьи, к примеру, писателем мальчик не мечтал. Во-первых, он считал, что ему, непоседе, не хватит терпения для написания большого произведения. А во-вторых, выдуманные истории хоть и были очень увлекательными, не так цепляли Рому, как реальные. Он обожал читать статьи на злободневные темы, не всегда до конца понимая те проблемы, о которых писали. Но ему нравилась смелость журналистов, хлесткие слова, употребляемые ими, разносторонность их знаний. А еще их причастность к тайне и способность раскрыть ее тысячам людей. Особенно это касалось ставших очень популярными на стыке восьмидесятых и девяностых материалов про инопланетян, экстрасенсов, Атлантиду. Рома представлял себя на месте авторов и думал о том, как им интересно работать над статьями, почти фантастическими, но все же правдивыми. Тогда он по наивности не понимал, что журналисты не всегда верят в то, о чем пишут, и представлял себя на месте одного из них.

Статьи в газеты Рома Акимин начал писать, еще будучи учеником средней школы. Их иногда печатали. А те, которые не принимали, он размножал на ксероксе и либо расклеивал по столбам, либо раздавал одноклассникам. Он ощущал потребность донести свои мысли до масс. Рома был идеалистом в те годы. Да и в двадцать, двадцать пять им оставался. Но к тридцати поумнел. Вернее, устал. Роме нравилась фраза из книги Фазиля Искандера: «Когда человек устает бороться, он делает вид, что поумнел!» — и применил ее к себе.

Ему надоело быть донкихотом от журналистики. Тем более что бороться ему приходилось не с ветряными мельницами, а с системой. А это было опасно. Акимину постоянно угрожали. Один раз серьезно избили, и он провалялся в больнице три недели. Но «поумнел» Рома не после этого, позже. Когда, несмотря на все его старания (он объявил настоящую войну одному взяточнику — крупному чиновнику из мэрии), ничегошеньки не изменилось. Чинушу не только не посадили, а еще и повысили.

Тогда Акимин даже хотел уйти из журналистики. Многие его сокурсники почти сразу после института подались в бизнес, и некоторые с удовольствием взяли бы Рому на работу. Он всерьез подумывал обратиться к своему другу Саньке Калинину, владельцу двух ночных клубов. Акимин с его энергичностью и умением общаться с людьми мог стать отличным администратором, а впоследствии управляющим. Это и интересно, и денежно, в сравнении с зарплатой Акимина по крайней мере. Другие журналисты, те, что брались за заказные статьи или работали на желтую прессу, имели неплохой доход. Но у таких «донкихотов», как Рома, не было ни квартир, ни машин. Акимин, к примеру, жил с родителями, а передвигался на метро.

В общем, соблазн уйти из профессии был. Но Рома решил не изменять себе и не отказываться от призвания. Поэтому ни в какой клуб администратором он не устроился. Просто кардинально сменил профиль. Ранее писал о социальных проблемах, политике, громких преступлениях, теперь стал писать об инопланетянах, экстрасенсах, Атлантиде. Это тоже было увлекательно (конечно, не так, как в детстве, но все же), безопасно и неплохо оплачивалось. Интерес к этой теме с конца восьмидесятых, естественно, поутих, но зато ряды свято верящих в паранормальные явления стали многочисленнее, сплоченнее, и как следствие — появилось множество изданий, посвященных им. Рома устроился в журнал с большим тиражом и в качестве внештатника сотрудничал еще с несколькими газетами, в том числе серьезными. Статьи Акимина они печатали в субботних выпусках и прилично за них платили.

Рома наконец зажил, как человек! Снял квартиру, купил авто, начал девушке своей хорошие подарки дарить. Рома даже стал подумывать о женитьбе. Со своей девушкой он встречался больше двух лет, и она очень хотела выйти за Акимина замуж, но он не делал ей предложения, потому что семью содержать было не на что. Но сменив поле деятельности, Рома почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Расплатившись за машину, он сможет взять кредит на квартиру, и вот тогда наконец женится. Тем более есть вероятность того, что в следующем году Акимина сделают главным редактором журнала.

Статья, над которой он работал в последнее время, была не для «родного» издания. Три месяца назад он делал заказной материал о колдуне Василии. Рома сначала не хотел браться. Но, познакомившись с колдуном, изменил свое мнение. Василий совершенно

точно обладал неким даром. Рома сразу же при знакомстве почувствовал исходящую от него силу. Когда тот, не коснувшись журналиста, а лишь проведя рукой над его головой, сказал, что у Акимина была черепно-мозговая травма, после которой его мучает мигрень («Сейчас тоже болит, но я сниму, секунду!»), Рома уверился в этом еще больше. Пульсация в виске прошла почти тут же. Поэтому статья получилась очень убедительной. Заказчик был доволен. Но когда материал вышел, Рому стали одолевать сомнения.

Он подумал, что колдун мог знать о том, что Акимин после избиения угодил в больницу именно с черепно-мозговой травмой. Об этом писали. Про мигрени можно додумать. А боль прошла благодаря самовнушению.

И решил Рома славу колдуна Василия развенчать. Именно славу, ибо тот в последнее время стал весьма популярной личностью. После статьи Акимина о Василии все заговорили. Его стали приглашать на телевидение (тут наверняка не обошлось без взяток), к нему обращались за помощью политики и эстрадные исполнители, его прогнозы печатались в журналах. Но о личной жизни Василия, его прошлом никто ничего не знал. А если ему в лоб задавали вопросы про семью, он отвечал уклончиво. Мол, все мы на этой земле братья и сестры...

Поскольку Рома уже три месяца назад видел, как Василий работает — ему разрешили присутствовать на одном из сеансов, — то на прием к колдуну он ни сам записываться не стал, ни кого-то из коллег или друзей не попросил. Сначала нужно было узнать Василия-человека, а уж потом колдуна. И сделать это можно только одним способом, а именно: установив за ним слежку.

Что Рома и сделал. «Пас» Василия несколько дней, но безрезультатно. Колдун, отработав в салоне, либо выезжал к особо важным клиентам на дом, либо отправлялся на радио или в редакцию газеты. Ночь он, как правило, проводил в квартире один. Причем жилье было съемным, Рома узнавал.

Женщин у Василия совершенно точно не было. А вот сын, оказывается, имелся. Только жил он отдельно и с отцом не виделся совсем. Об этом Роман узнал от одной из сотрудниц центра, где Василий трудился (она собиралась увольняться, вот и не боялась за небольшую плату «слить» информацию). Она же сообщила ему о том, что колдун близок лишь с двумя людьми — господином Авербухом, своим то ли менеджером, то ли агентом, то ли продюсером, и Владом Карским. Паренек Василию вместо сына. А еще он его ученик и преемник. Пожилой колдун в парне души не чает и всячески ему помогает. Акимин тогда решил, что Карский вполне может быть еще и любовником Василия. В этом случае отсутствие в его жизни женщин легко объяснимо.

Акимин решил побольше разузнать о Карском и встретиться с сыном Василия. Наверняка парень дико ревнует отца к его фавориту и может много интересного рассказать. Роман видел его на фотографии и по лицу понял: самовлюблен, злопамятен, мелочен, но умен и болтлив. Просто находка для журналиста!

Роман раздумывал, когда встретиться с сыночком великого колдуна: завтра или послезавтра, и тут ему позвонили.

— Господин Акимин? — услышал Роман незнакомый мужской голос.

— Он самый.

— Добрый вечер. Вас беспокоит Василий.

— Какой?

— Тот самый, в чье грязное белье вы пытаетесь сунуть свой нос.

Роман мысленно чертыхнулся. Неужто сотрудница центра раскололась?

— Я звоню, чтобы попросить вас перестать это делать.

— Я только хочу узнать о вас как о человеке. Никакой грязи выливать на страницы газет не собираюсь... — И Роман добавил после паузы: — Если ее нет в вашей жизни, я и в нее не вляпаюсь.

Акимин ожидал от Василия фразы про свинью, которая везде грязь найдет, но тот сказал совсем другое:

— Давайте встретимся и поговорим? Я дам вам интервью. Честное и откровенное. Хотите?

— Очень.

— Тогда приезжайте ко мне. Весь вечер я буду дома.

— Отлично.

— Адрес, как я понимаю, вам говорить не надо, вы его сами знаете.

Роман усмехнулся.

На этом они простились. Роман быстро закончил дела в редакции, заскочил в кафе перекусить и поехал в гости к великому колдуну, чтобы взять у него интервью. Честное и откровенное!

Глава 4

Нина сидела в кухне и держала в ледяных руках кружку с горячим чаем. Ее сотрясала дрожь, и сделать глоток, чтобы не стукнуться зубами о

фарфор, не получалось. Боясь испортить эмаль, Нина поставила чашку на стол. Встала, включила все конфорки на газовой плите и стала греть руки над огнем.

Пальцы потеплели, но дрожь не прошла. Нина поняла, что ее колотит не от холода, а от нервного перенапряжения. Отойдя от плиты, она открыла холодильник, достала бутылочку с настойкой пустырника, накапала в стакан, выпила.

Обычно Нину отпускало через несколько секунд. Приняв успокоительное, она ощущала, как по телу разливается тепло, затем наступал покой. На сей раз этого не произошло. Слишком велик был стресс! Наткнуться на умирающего, упасть в обморок после его прикосновения, очнуться от карканья ворона, сидящего на груди, — уже этого достаточно, чтобы оказаться на грани нервного срыва. А Нине потом еще пришлось около часа беседовать с оперативником, который разговаривал с ней так, будто она подозревается в убийстве. Что она ему говорила, сейчас вспомнить не могла. Ему, а еще мужчине, прибежавшему на ее зов. Он помог ей подняться на ноги, отряхнул, усадил в свою машину, вызвал полицию и, пока бригада добиралась до места, вел с Ниной беседу. Она поддерживала разговор, а у самой в голове носились странные мысли и обрывки образов. Этот стремительный круговорот вызывал тошноту. Как будто Нина сидела на карусели, которая вращалась с бешеной скоростью...

Когда начался допрос, она немного пришла в себя. То есть карусель замедлила свое движение, но не настолько, чтобы Нина могла воспринимать действительность нормально.

Когда оперативник ушел, а разговаривал он с Водяновой у нее дома, она и вскипятила чай, чтобы согреться.

В дверь позвонили.

Нина устало посмотрела на нее и решила не открывать. Наверняка кто-то из любопытных соседей решил узнать все подробности происшествия. Но визитер оказался настойчивым. Он звонил и звонил. Нине ничего не осталось, как открыть.

Она ожидала увидеть Антонину Сергеевну из соседней квартиры. Эта женщина была в равной степени бесцеремонна и любопытна. Но на пороге стоял незнакомый мужчина.

— Здравствуйте, — сказал он.

Нина в ответ кивнула. Говорить не хотелось. Да и вряд ли получится выдать что-то членораздельное. Дрожь не проходила!

— Разрешите представиться? Я — Роман Акимин. Журналист. Могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Нет, — ответила Нина сурово и собралась закрыть дверь, но Акимин придержал ее.

— Простите меня за назойливость, но мне правда очень нужно с вами побеседовать...

Нина нахмурилась. Ей еще не доводилось сталкиваться с журналистами, но она много раз слышала о беспардонности, напористости, даже нечистоплотности некоторых из них. Она решила, что в данный момент перед ней как раз такой человек.

— Да вы не думайте, я не папарацци, — как будто прочитал ее мысли журналист. — Я статью писал о Василии... Собирался сегодня с ним встретиться, интервью взять. А тут такое...

И он умоляюще посмотрел на Нину. Та, помедлив, впустила Акимина в прихожую.

Войдя в квартиру, Роман огляделся. Взгляд был цепкий, но не любопытный, скорее профессиональный. Журналистам ведь нужно все подмечать.

Пока Акимин изучал обстановку, Нина рассматривала его. Чуть за тридцать. Хорошая фигура. Интересное лицо. Не красивое, именно интересное. Хочется в него вглядываться, вроде ничего особенного, а чем-то привлекает.

— Куда можно пройти? — поинтересовался Роман, разувшись.

— Пойдемте сюда. Попьем чаю. У меня торт есть.

Она провела журналиста в кухню, указала на стул.

— Вы замерзли? — спросил он, присаживаясь.

— Да, немного... А что, заметно?

— Просто вы в пуховике.

— Ой... — Нина забыла о том, что, вернувшись домой с улицы, не разделась. Она хотела снять пуховик, стянула его с плеча, но тут же накинула опять. — Останусь, пожалуй, в нем, — проговорила она. — Так теплее.

— Но здесь жарко. Трясет вас не от холода.

— Я тоже так думаю. Поэтому приняла... — И указала на пузырек с настойкой.

— Мне кажется, у вас плюс ко всему температура. Позвольте? — Он протянул руку, желая дотронуться до ее лба, но Нина отшатнулась. Слишком живы были воспоминания о ТОМ прикосновении.

— Простите, — пробормотал Роман.

— Это вы меня простите. Я на взводе и...

— Не объясняйте, я понимаю. Но вы бы смерили температуру. У вас, похоже, как минимум тридцать восемь.

— Не удивлюсь, — проговорила Нина, вспомнив, как лежала на снегу. Она была без сознания минут пять точно, а может, и больше. — Вы чай будете?

— Не откажусь.

Нина поставила подогревать чайник. Достала заварку. Она любила листовой, но ей было лень чай заваривать, поэтому Нина обычно покупала пакетированный. Даже на ее не слишком искусственный вкус он отдавал картоном. Предлагать такой гостю было немного стыдно, но ничего другого не оставалось. У Нины даже кофе не имелось. Она его не любила. А для гостей держать незачем, ведь они в этом доме бывают крайне редко.

— Когда вы нашли Василия, он уже был мертв? — спросил Роман. Нина вздрогнула. Не от неожиданности, а от воспоминаний.

— А почему вы пишете статью про него? — вопросом на вопрос ответила она. — Он что, знаменитость?

— В некотором роде.

— То есть?

— Он был колдуном. Практикующим. Его услугами пользовались даже сильные мира сего.

— Вы это серьезно?

— Совершенно. И, скажу вам, Василий на самом деле имел дар.

Нина поежилась. Теперь совершенно точно не от холода.

— А что за дар? В чем он выражался?

— Такое ощущение, что это не я журналист, а вы, — улыбнулся Роман.

— И все же ответьте.

— В нем была сила. Знаете, как в джидаях из «Звездных войн», — пояснил Акимин.

— Он тоже рубился световым мечом и мог движением руки поднять из болота затонувший корабль?

— Нет, конечно. Но он совершенно точно энергетически был сильнее большинства из нас. И он мог передавать свою энергию. Когда он проводил рукой по больному месту, наступало успокоение. Проверено на себе.

— Он дотрагивался до вас?

— Нет. Проводил рукой возле моей головы.

— А остальных?

— При мне он лечил женщину от язвы. Ее он касался. После сеанса она заверила меня, что боль прошла. Я встретился с ней через три месяца, то есть совсем недавно, когда взялся за очередную статью, и она сообщила мне, что язва зарубцевалась и она здорова.

— А когда Василий дотронулся до нее, она сознание не потеряла?

— Нет, — удивленно протянул он. — А почему она должна была его потерять?

— Ну не знаю, — проямлила Нина. — Если в Василии была такая мощь, то ничего удивительного...

— Василий ведь отдавал лишь малую часть своей энергии. А вот если бы отдал всю, то возможно...

— Он был мертв, когда я его нашла, — быстро выпалила Нина.

— А правда, что в тот момент его окружали кошки?

— Да. Но откуда вы знаете?

— Человек, который услышал ваш призыв о помощи, кстати, его фамилия Славин, зовут Энгельсом, рассказал, что, когда он подошел к мусорным бакам, кошки там так и кишели.

— Все верно.

— Странно, правда? На улице вьюжит, метет, кошки обычно в такую погоду забиваются в тепло.

— И не только они. Птицы тоже.

— При чем тут птицы?

— Да ни при чем, это я так...

Нина резко замолчала. Журналист удивленно на нее воззрился. Затем проследил за ее взглядом, устремленным на окно, и воскликнул:

— Ворон!

Нина слотнула. На подоконнике на самом деле сидел ворон. ТОТ САМЫЙ! Она как его заметила, так дар речи и потеряла.

— Вы поэтому про птиц заговорили, да? — спросил Акимин.

— Что? — Нина с трудом оторвала взгляд от ворона и переместила его на лицо Романа. — Не поняла, о чем вы?..

— Рядом с трупом Василия были не только кошки, да? Но и этот ворон?

Нина кивнула и снова бросила взгляд на окно. Птица продолжала сидеть на подоконнике. Но если до этого она была спокойной, просто смотрела через стекло, и все, то теперь начала хлопать крыльями и постукивать клювом в окно. Нине стало очень страшно, она попятилась. А поскольку кухня в ее квартире была небольшой, то Водянова тут же налетела на журналиста. Тот придержал ее и успокаивающе погладил по плечам.

— Не бойтесь, это Карл, — сказал он и усадил Нину на табурет.

— Кто?

— Ворон. Его зовут Карл. Это ручная птица. Очень умная.

— Она ваша?

— Нет, конечно. Это ворон Василия.

Нина облегченно выдохнула. Значит, никакой мистики! Просто домашняя птица, потеряв хозяина, прибилась к человеку, оказавшемуся в последний момент рядом с ним.

— Может, выпустить его? — предложил Роман. — Замерзнет ведь...

— Хорошо, давайте.

Нина подошла к окну, попыталась открыть форточку, но не вышло. Поддалась только первая створка, а вторая примерзла. Роман, видя ее затруднения, бросился на помощь. Рванув за ручку, он отворил окно. В кухню тут же влетел порыв ветра, и масса снежинок осела на подоконнике...

Следом за ветром и снегом в помещение ворвался ворон. Мокрый, взъерошенный и все равно величественный. Влетев, он встряхнулся, осмотрелся и прыгнул на холодильник, рядом с которым стояла хозяйка квартиры. Нина взвизгнула и отшатнулась. Ворон посмотрел на нее как будто с осуждением и, сложив крылья, уселся на хлебницу. Через несколько секунд он начал поклевывать крошки, словно забыв и о Нине, и о Романе.

— Потрясная птица, — проговорил Акимин.

— Как будто и не птица, а человек, — пробормотала Нина.

— Ворон — умнейшее создание.

— Судя по тем, что обитают на помойках, я бы так не сказала.

— Вы путаете. Ворон и ворона разные птицы, это не самка и самец одного вида.

— Разве нет?

— Нет. Путаница происходит только в русском языке из-за практически одинакового названия